

Ш. Валиновъ .

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ КАЛМЫКОВЪ ПОСЛѢ ПРИХОДА ИХЪ ВЪ РОССІЮ

ВЪ XVII ВѢКѢ.^{1/}

/Продолженіе/

И 140 лѣтъ спустя, когда калмыки въ 1771 году ушли обратно въ Зынгарию съ Волги въ громадномъ количествѣ, имъ пришлось испытать тяжелыя страданія отъ нападений татарскихъ племенъ и потерять почти половину людскаго состава, что служить яркимъ свидѣтельствомъ того, какъ сильно упало обаяніе силы монголо-ойратовъ въ глазахъ этихъ народовъ.

Въ первое время единственно, кто могла бы позволить себѣ роскошь вражды съ калмыками, такъ это Россія, но она по вышеизложеннымъ политическимъ соображеніямъ этого не хотѣла. Эту силу Россіи, Русскаго народа видѣли и понимали и сами калмыки; объективныя условія указывали калмыкамъ, что долго сохранять свою политическую независимость имъ не удастся, но чувство и традиціи прошлаго не хотѣли мириться съ такой перспективой.

Повѣдка Шукурь-Дайчина въ Тибетъ увѣнчалась успѣхомъ: Далай-Лама далъ ему санкцію на управленіе Калмыцкимъ народомъ, но Шукурь-Дайчанъ по тактическимъ соображеніямъ отказался отъ титула Хана, говоря "подобныхъ мнѣ нойоновъ много, какъ я буду Ханомъ". Тѣмъ не менѣе онъ отнынѣ являлся признаннымъ главой Калмыцкаго народа и фактически являлся Ханомъ. Поэтому интересно здѣсь привести его пониманіе обязанности Хана, что выразилось въ его словахъ поученія, обращенныхъ къ своему внуку Аякъ: "Если хочешь быть Нойономъ, то долженъ знать время, когда быть равнымъ съ подвластными, когда повелѣвать ими и когда призрѣвать ихъ, какъ мать свое дитя. Если эти три правила Нойона безпристрастно будешь выполнять, исполнишься мудрости и будешь Нойономъ /Повелителемъ/".

Онъ же поучалъ внука: "Одному человѣку трудно усвоить девять разныхъ знаній, потому что жизнь человѣка кратковременна. Имѣя же при себѣ девять человѣкъ, изъ которыхъ каждый усвоилъ одно изъ этихъ знаній, можно уподобиться одному человѣку, изучившему всѣ девять познаній." 2/

Шукурь-Дайчинъ вернулся изъ своей поѣздки въ Тибетъ въ 1654 году и вполнѣ естественно, что смятенную въ его отсутствіи калмыцкими нойонами покорность Россіи онъ не считалъ для себя обязательной и продолжалъ вести свою прежнюю политику независимости въ отношеніи Россіи, а во внутреннемъ управленіи сталъ проявлять ханскую власть, предъявляя къ отдѣльнымъ нойонамъ-феодаламъ строгія требованія безпрекословнаго себѣ подчиненія.

Мало того, что онъ продолжалъ свою прежнюю независимую политику, но онъ теперь, когда почувствовалъ твердую почву подъ ногами, сталъ говорить еще болѣе твердымъ "дерзкимъ" языкомъ съ Русскимъ Правительствомъ. Черезъ своихъ представителей на попытки Русскаго Правительства подчинить калмыковъ онъ отвѣчалъ, что калмыки "въ колонствѣ ни у кого не были и никого, кромѣ Бога, не боятся".

Эту твердость центральной калмыцкой власти почувствовали на себѣ и нойоны и простая народная масса. Калмыкамъ, привыкшимъ смотрѣть на себя, какъ на свободныхъ и никому не обязанныхъ сыновъ степи, такая принудительная:

1/ См. № 2 "Улакъ Залатъ".

2/ Нойонъ Батгяр Убуши-Тамень: Сказаніе о дорбонъ Ойратахъ /на калмыцкомъ языкѣ/.

власть не могла придти по душѣ. И естественно появились недовольные Шукурь-Дайчиномъ, проявляющимъ государственную власть.

Это ли недовольство народной массы его политикой или какія другія соображенія послужили причиною измѣненія Шукурь-Дайчиномъ своей политики, но только въ слѣдующемъ 1855 году онъ приноситъ Царю Алексѣю Михайловичу клятву на вѣрность и послушаніе и обѣщаетъ помочь русскому войску въ походахъ противъ Азовцевъ, Крымцевъ и другихъ непріятелей.

Съ этого момента начинается новый періодъ исторіи Калмыцкаго народа, періодъ формально зависимый, но фактически самостоятельный, который продолжается до 1724 года, т.е. до смерти Хана Аюки, когда Русскому Правительству представился удобный случай для активнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь Калмыцкаго народа. Послѣ смерти Аюки между разными претендентами на Ханскій престолъ завязалась борьба и каждый изъ нихъ старался доказать свою правоту передъ русской властью и обращался за содѣйствіемъ къ ней, чѣмъ разчищала путь для вмѣшательства во внутреннюю жизнь и способствовала ограниченію власти Калмыцкаго Хана.

Что Калмыцкій народъ и послѣ официального подчиненія Россіи сохранялъ свою фактическую независимость, подтверждаетъ между прочимъ и то обстоятельство, что Русское Правительство сношенія съ калмыками вело черезъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ /по современному Министерство Иностранныхъ Дѣлъ/ и только значительно позже дѣло сношенія съ калмыками перешло въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

И послѣ изъявленія покорности Россіи калмыки тѣмъ не менѣе неоднократно возобновляли свои нападенія на русскія владѣнія, сопровождавшіяся грабежами, кровопролитіемъ, захватомъ въ плѣнъ русскихъ и т. д. Конечно, въ этой части они могутъ быть названы "вѣроломными".

Въ улучшеніи отношеній между калмыками и русскими хорошую услугу оказали Черкасскій князь Каспулатъ, искренне расположенный къ Россіи. Въ это время за сестру этого князя сватался сынъ Шукурь-Дайчина - Пунцукъ, какое обстоятельство и было использовано Каспулатомъ. "Обсудивъ это дѣло съ Астраханскимъ воеводой В.Р. Романовскимъ, Каспулатъ выдачу своей сестры за Пунцука обусловилъ сохраненіемъ вѣрности Русскому Правительству и оказывать ему помощь въ борьбѣ съ Крымскимъ Ханомъ".

Это свое обѣщаніе Шукурь-Дайчинъ выдержалъ до конца, несмотря на двукратную присылку Крымскимъ Ханомъ къ нему пословъ съ баснословно дорогими подарками и съ предложеніемъ вмѣстѣ идти противъ русскихъ, обѣщая при этомъ множество заманчивыхъ матеріальныхъ и политическихъ выгодъ.

Во исполненіе этого обѣщанія въ 1857 году сынъ Шукурь-Дайчина - Пунцукъ во главѣ своихъ калмыковъ пошелъ подъ Азовъ, захватилъ 10 тысячъ лошадей и 30 ясней; потомъ онъ двинулся противъ казанцевъ, взялъ у нихъ тысячу лошадей и тысячу ясней /плѣнныхъ/; тогда же отбилъ у султана Ша и у Янгурча двѣ тысячи лошадей и тысячу барановъ. Такими дѣйствіями противъ враговъ Россіи Пунцукъ "къ великому государю показалъ службу и правду". Помощь калмыковъ во время войны Россіи съ Крымомъ въ 1661 году была признана Русскимъ правительствомъ весьма существенной, что побуждало его смотреть сквозь пальцы на многіе такіе поступки калмыковъ, какіе другимъ не прощались.

Такимъ образомъ къ концу управленія Шукурь-Дайчина отношенія между русскими и калмыками начали постепенно налаживаться по пути къ миру и сотрудничеству. Гораздо сложнѣе обстояло дѣло съ внутреннимъ отношеніемъ самихъ феодальныхъ нойоновъ другъ къ другу и ихъ вмѣстѣ взятыхъ къ политической главѣ - Хану. Пока во главѣ Калмыцкаго народа стоялъ сильный и властный Шукурь-Дайчинъ, отдѣльные нойоны молчали и подчинялись. Но все же то старое положеніе, когда при перемиріи Хана и въ зависимости отъ его личныхъ качествъ внутреннія дрязги вспыхивали съ новой силой вплоть до боевыхъ столкновеній, раздирая мирный ходъ народной жизни, - осталось и послѣ Шукурь-Дайчина.

Даже такому умному, энергичному Правителю, какъ Шукурь-Дайчинъ, несмотря на продолжительный срокъ его управленія окончательно не удалось положить предѣлъ междоусобицамъ калмыцкихъ нойоновъ, своекорыстныя цѣли которыхъ, жаж-

да упроченія своей личной власти мѣшали имъ понимать общенациональные интересы, какъ политическіе, такъ и хозяйственные, что является основнымъ национальнымъ несчастьемъ монголо-ойрато-калмыковъ еще со временъ Чингисъ-Хана.

Шукуръ-Дайчинъ умеръ въ 1667 году. Наслѣдовалъ ему сынъ его Пунцукъ, второй разъ женатый, какъ выше сказано, на сестрѣ Черкаскаго князя Каспулата.

Онъ и при жизни отца принималъ активное участіе по управленію Калмыцкимъ народомъ, выказывалъ себя способнымъ, даровитымъ человекомъ, своими удачными военными походами снискалъ себѣ уваженіе и признаніе въ своемъ народѣ. Вотъ почему его наслѣдованіе отцовской власти не вызвало ни въ комъ возраженія.

Во всѣхъ военныхъ походахъ отца онъ стоялъ во главѣ калмыцкихъ отрядовъ и своимъ военнымъ искусствомъ установилъ за собой имя хорошаго полководца. Въ то время военная доблесть, побѣда надъ иными народами калмыками цѣнилась больше всего. На это дѣло они смотрѣли, какъ на основное условіе благополучія всего народнаго хозяйства, какъ на средство избѣжанія голода и всякихъ хозяйственныхъ бѣдствій.

Вотъ почему Батыръ Убуши-Тюманъ въ цитированномъ выше Сказаніи о дорбонь ойратахъ пишетъ: "Торгоутовскій Хо-Орлекъ во время народныхъ бѣдствій въ Преглѣ-Хомоголѣ /мѣстность/, напавъ на Чжинбулаковъ, Тюркменовъ и Татаръ пропиталъ своихъ подвластныхъ ихъ скотомъ. Зыгарскій Зорикту-Ханъ Тайчки напалъ на казаковъ /киргизовъ/ и припасами ихъ прокормилъ своихъ подвластныхъ. Аюка Ханъ напалъ на Хатай-Хабчиковъ /кипчаковъ/ и тѣмъ доставлялъ подвластнымъ пропитаніе." И причисляетъ всѣхъ этихъ лицъ къ числу койоновъ "заботившихся о своихъ подвластныхъ во время бѣдствій".

За время своего короткаго управленія Калмыцкимъ народомъ Пунцукъ успѣлъ принять участіе только въ одномъ серьезномъ дѣлѣ вмѣстѣ съ русскими - въ осадѣ города Яика /Уральска/, занятаго возставшими казаками. За оказанныя услуги подъ Яикомъ изъ Москвы было предложено воеводамъ чинить калмыкамъ ласку и снабжать ихъ царскими милостями.

Пунцукъ умеръ въ 1670 году.

/Продолженіе слѣдуетъ/

Д. Ваянова .

ДЖАНГАРЬ.

Вступленіе.

Впечатлѣніе, получаемое при чтеніи оригинала "Джангарь" совершенно особенное, не поддающееся описанію.

Обаятельная музыка литературнаго калмыцкаго языка, оригинальность сравненій, безграничная фантастичность гипербола, чисто восточные приемы изложенія - все это въ суммѣ волнуетъ, поднимаетъ духъ и заставляеть мыслями своими перенестись ко "времени зарожденія драгоцѣнностей", къ мѣсту, гдѣ "были собраны всѣ кони быстронogi", гдѣ "при блескѣ /женской/ красоты овищаются всѣ мелкія рыбы, населяющія океанъ" и т. д.

Поэтому взятыя за переводъ красивѣйшаго произведенія націи большая смѣлость. Вотъ почему считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о цѣли своей работы.

1. Переводы, искажающіе смыслъ, не достигаютъ цѣли по существу.

2. Переводы, искажающіе форму при погонѣ за буквальностью, портятъ